

“ЭТОТ ВТОРОЙ МИР ОБОГАЩАЕТ ЧЕЛОВЕКА” писал Паустовский

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Книги, и прежде всего произведения художественной литературы, открывали перед Паустовским вторую действительность, оказывавшую на него не меньшее влияние, чем та, что окружала его реально. *“Вымышленная жизнь существовала независимо от подлинной и добавляла к ней все, чего в этой подлинной жизни не было и быть не могло. Все, что казалось мне заманчивым и прекрасным”,* — писал он. В этой жизни Паустовский мог беседовать с Гюго и Лермонтовым, Петром I и Гарибальди, мог сидеть в долгой тюрьме с отцом Крошки Доррит и сопровождать в Англию прах Байрона. *“Этот второй мир обогащает человека и отзывается на его мыслях и поступках в жизни”,* — писал Паустовский. “Вымышленная жизнь” несла ему радость, хотя порою находили и сомнения. *“Мы пришли в жизнь от книг, от туманной поэзии, от прекраснодушных мыслей, и народ прошел мимо нас равнодушно и даже нас не заметил, — не такие, должно быть, были ему нужны сыновья и помощники”,* — сетовал писатель в горькие минуты.

Если судить по “Повести о жизни” — автобиографическом произведении Паустовского, — он всегда читал: гимназистом — дома и в киевских парках; служа санитаром в поезде—госпитале времен первой мировой войны — в редкие минуты отдыха. Читал в больнице, куда попал после ранения, в нелегкие месяцы работы на военных заводах в Чечелевке — предместье Екатеринослава — и в Таганроге. Часто это были годы скитаний — где брал он тогда книги? Трудно предположить, что все прочитанные им книги он возил с собой — их было множество, и увлечения его были разнообразны. Очевидно, издания личной библиотеки дополнялись взятыми из каких-то собраний — частных и общественных.

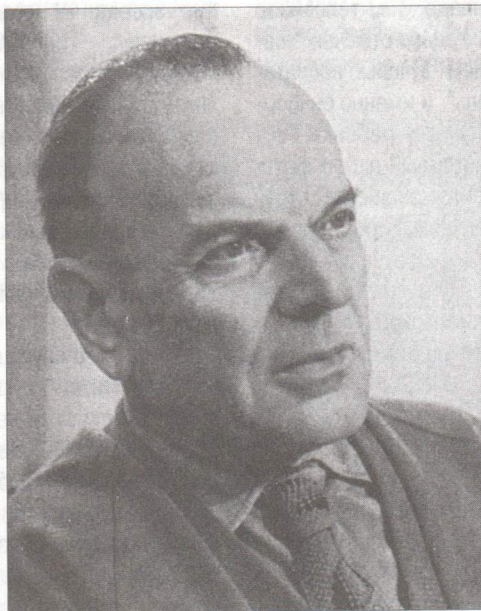
В “Повести о жизни” мы находим немало сведений о библиотеках, которыми пользовался Паустовский в первые два десятилетия нашего века. В гимназические годы это была Библиотека Идзиковского в Киеве, на Крещатике, 29. Эта знаменитая, по его словам, библиотека была одним из культурных центров города: писатель называет ее наряду с великолепными киевскими театрами, симфоническими концертами в киевских парках, Киевским университетом, Пер-

вой киевской гимназии, которой еще в начале века исполнилось сто лет.

Время учебы Паустовского в Первой киевской гимназии — 1904—1912 годы. Тогда в Киеве, судя по справочнику “Весь Киев” за 1904 год, было 27 библиотек. Городская публичная библиотека была государственной и помещалась в здании городской думы; существовали еще библиотеки различных обществ и комитетов — общества взаимопомощи повивальных бабок и фельдшерниц, общества вспоможения приказчиков, общества чинов почтово—телеграфного ведомства, общества грамотности, уездного комитета народной трезвости, а также бесплатные городские читальни, частные библиотеки. Библиотека Идзиковского выделялась среди них, даже судя по сведениям в справочнике “Весь Киев”, где сообщается, что в фонде его библиотеки 45 тыс. экземпляров книг на русском, французском, польском, немецком, английском языках, как для взрослых, так и для детей, при этом фонд постоянно пополняется новыми изданиями. Такая обстоятельность информации свидетельствует о серьезном отношении Идзиковского к своему делу, о его профессиональном подходе к библиотеке. По контрасту — данные об остальных библиотеках скудные: только адрес. Даже о городской публичной библиотеке сказано лишь, в какие дни и часы она открыта и сколько стоит пользование ею. Энциклопедический справочник “Киев”, изданный в советские годы, содержит заметку об истории библиотек. Библиотека Идзиковского характеризуется здесь наряду с Городской публичной, причем, по сведениям этого справочника, она к 20-м годам насчитывала 100 тыс. томов, в то время как Городская публичная — 50 тыс. единиц хранения.

Библиотека Идзиковского была, видимо, платной: Паустовский—гимназист, зарабатывая на жизнь уроками (в старших классах), был доволен тем, что денег ему хватало на еду и библиотеку. Хозяинственный Л. Идзиковский держал на Крещатике еще и нотный магазин. Очевидно, и библиотека и нотный магазин приносили ему доход.

Юный Паустовский, по собственному признанию, брал в библиотеке книги для себя и для бабушки. В старших классах

гимназии он особенно увлекался поэзией, и фонд библиотеки Идзиковского давал ему возможность читать французских поэтов в подлиннике. Для бабушки же он брал романы Болеслава Пруса, может быть, на польском языке.

Библиотека была для Паустовского прибежищем в кризисные моменты. Туда зашел он, когда отдал редактору журнала «Огни» рассказ, в ожидании решения судьбы едва ли не первого своего произведения, предложенного в печать. Там встретил он товарища по гимназии, который разделил сначала его тревогу, а затем радость: рассказ был принят.

Пользовался ли Паустовский — гимназист другими киевскими библиотеками? Об этом сведений в «Повести о жизни» нет. Известно только, что в Первой киевской гимназии, где он учился и откуда вышло немало замечательных деятелей культуры (среди них — А. Луначарский, М. Булгаков, Я. Ивашкевич), была библиотека. Гимназисты, по свидетельству Паустовского, много читали. Он пишет о дешевых изданиях «Универсальной библиотеки», по которым он и его товарищи знакомились с произведениями зарубежной литературы. Вероятно, что они не только покупали книги, но и пользовались фондом библиотеки своей гимназии.

В Городскую публичную библиотеку гимназисты, по-видимому, не ходили: в отчетах этой библиотеки есть сведения о количестве читателей, при этом читатели распределены по социальным группам. Так вот, гимназистов среди этих социальных групп нет. В то же время читателями Городской публичной библиотеки были преподаватели гимназии, а членом Комитета этой библиотеки одно время был директор гимназии И. Посадский — Духовской. Помимо ежегодных отчетов Городской публичной библиотеки, мы располагаем печатным каталогом ее фонда, изданным в 1904 году. «При внимательном и серьезном просмотре настоящего каталога читатель оценит те драгоценные сокровища, какие хранятся на полках нашей библиотеки и какие предназначены служить многим и многим поколениям. Просветительная деятельность библиотеки принесла и продолжает приносить обильные плоды населению Киева», — сказано в предисловии к каталогу. Значительное место в каталоге занимает раздел художественной литературы (словесности) — иностранной и русской. Наряду с русской классикой большим количеством изданий представлены и популярные в то время писатели — В. Немирович-Данченко, С. Надсон и другие. Здесь были и сочинения украинских писателей М. Коцюбинского, Т. Шевченко на русском и украинском языках.

В «Повести о жизни» названа библиотека в Таганроге — родном городе Чехова. Паустовский пользовался ею, когда работал во время первой мировой войны на военном заводе. «Я записался в городскую библиотеку. Там в отдельных шкафах стояли книги, подаренные Чеховым. Их на руки не выдавали, но иногда показывали читателям. Это были книги полузабытых писателей — Поталенки, Щаглова, Эртеля, Измайлова, Баранцевича, Муйжеля, с авторскими автографами или дарственными надписями Чехова — тонкими, без нажима, похожими на докторские рецепты». Интересно, кто из перечисленных здесь забытых писателей переиздан в последние годы и представлен в современных библиотеках? Может быть, только А. Эртель (роман «Гарденины»).

Библиотеку в Чечелевке — предместье Екатеринослава — Паустовский упоминает в связи с тем, что взял там роман В. Гюго «Труженики моря» для больной и озлобленной дочери хозяина квартиры. Это был один из самых мрачных и тягостных периодов жизни Паустовского. От неустроенности быта, от убогого окружения он

стремился найти спасение в писании, в книгах. Может быть, некоторые книги брал он в библиотеке Чечелевки.

В «Повести о жизни» есть несколько упоминаний о личных библиотеках — о собраниях книг у тех людей, с которыми Паустовского сводила судьба. Подбор книг всегда свидетельствовал о характере, личности хозяина. Вот инженер в Чечелевке — краевед и фотограф, коллекционировавший виды русских провинциальных городов, — именно на этой почве сдружился с ним будущий писатель. С инженером Захаровым, много лет прожившим в Брюсселе, Паустовский познакомился в Москве, в начале первой мировой войны. В его библиотеке Паустовский увидел книги бельгийских писателей на французском. «В то лето все восхищались Бельгией — маленькой страной, принявшей первый удар немецких армий... Я читал Верхарна, Метерлинка, Роденбаха, стараясь найти в книгах этих бельгийцев разгадку мужества их соотечественников. Но не находил этой разгадки ни в сложных верхарновских стихах, отрицающих старый мир, как великое зло, ни в мертвых и хрупких, как цветы подо льдом, романах Роденбаха, ни в пьесах Метерлинка, написанных как бы во сне», — замечает Паустовский.

Книжные собрания порой разделяют судьбы своих хозяев. В главе «Две тысячи томов» передана почти фантастическая, трагическая история ксендза в польском местечке. Вся жизнь он собирал книги по истории — о Суворове, о Наполеоне, о средневековье, творения отцов церкви — и не смог вывезти свою библиотеку, а в местечко вот-вот должны войти оккупанты — германцы. «Все пойдет к чертовой матери! Все эти книги вместе с их чудачковатым хозяином», — говорит сослуживец Паустовского по военно-санитарному отряду Романин.

С юмором описана библиотека Абраши Флакса — таганрогского жителя, у которого Паустовский в 1916-м снимал комнату. «Его беспорядочная квартира была завалена растрепанными книжонками, отпечатанными на дрянной серой бумаге, но с цветными обложками, изображавшими чудовищные преступления бандитов и не менее чудовищные подвиги сыщиков. Особенно запомнилась мне одна обложка, где изображен Нат Пинкертон, попавший в лапы убийце-негру. Негр держал Пинкертона на вытянутых руках, схватив его за талию, над бездонной пропастью, а Пинкертон хладнокровно наводил на убийцу два револьвера. Мораль этой картинки была ясна, если негр разожмет руки и выпустит Пинкертона, то сыщик успеет вцепить в негра две пули. Очевидно, убивать друг друга ни сыщику, ни негру не было никакого резона. Абраша Флакс восторгался этой обложкой». Очень современно, не правда ли?

Среди личных библиотек, названных в «Повести о жизни», — библиотека московского книголюба, журналиста Щелкунова. Чуждый, в общем, книгособирательства, Паустовский благодаря Щелкунову и его собранию увлекся восточной поэзией — Саади, Хайямом, Гафизом.

Книги, библиотеки — общественные и личные — были настолько привычными в обиходе Паустовского, что упоминает он о них проходя, между прочим, но и эти скудные сведения дают возможность увидеть необходимость, естественность их существования в среде обитания писателя. И, может быть, не случайно прекрасную и загадочную, как блоковская Незнакомка, женщину — героиню рассказа «Дождливый рассвет» — Паустовский сделал сотрудницей библиотеки в маленьком приволжском городке Наволоки.

М. ДАВИДОВА,
профессор